
Н. М. Гиренко

**НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ В СВЯЗИ
С ПРОБЛЕМОЙ ПОЛОВОЗРАСТНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ**

В статье В. А. Попова «Половозрастная стратификация и возрастные классы древнеаканского общества» поднимается весьма важная и актуальная для социологии архаической формации проблема соотношения половозрастной стратификации и особого типа социального института, который в этнографической литературе получил название системы возрастных классов. Правда, в рассматриваемой статье автор ограничивается узким, хотя и весьма важным для истории социальных институтов народов группы акан вопросом о том, существовала ли у них система возрастных классов. Таким образом, по существу мы имеем две проблемы, и мне представляется, что от полноты раскрытия первой, более широкой, в значительной степени будет зависеть и решение второй. Наши замечания будут касаться в основном постановки проблемы в широком смысле. Она представляется наиболее дискуссионной. Несмотря на то, что возрастные классы и другие виды половозрастных группирований исследовались многими зарубежными и отечественными этнографами, что отмечено и в солидной библиографии, приведенной В. А. Поповым, ряд вопросов остается неясным.

К вопросам половозрастной стратификации, как правило, прямо или косвенно обращаются исследователи социальной структуры доклассовых и раннеклассовых обществ, так как без учета этого явления трудно понять действие систем социальных отношений обществ того же исторического уровня, а также происхождение многих форм социальных институтов. В марксистской литературе при обращении к этому явлению приводится известное положение о роли физиологических различий, лежавших в основе первоначального разделения труда. В настоящее время этот тезис вряд ли требует особых доказательств, но при этом, на мой взгляд, часто недостаточное внимание уделяется второй стороне процесса разделения труда, а именно объединению по общему физиологическому признаку и соответственно по общей трудовой деятельности, единству общественно значимых функций или их набору. Представляется, что процессы разделения и объединения идут параллельно, выступают в диалектическом единстве, которое можно определить как процесс специализации общественных функций и развития системы социальных отношений. Если учитывать обе отмеченные стороны, то половозрастная стратификация предполагает не только образование социальных связей между лицами и группами, различающимися по признакам пола и возраста, но одновременно и возникновение особых видов социальных связей в пределах групп, организовавшихся по тем же признакам. Такая система отношений, организованных по признакам пола и возраста, собственно, и обозначается в этнографических описаниях термином «половозрастная стратификация». Несмотря на то что половозрастная страти-

фикация сосуществует с другими системами отношений, может действовать в их пределах, ее допустимо рассматривать как относительно самостоятельное явление, способное проявляться как нормативное в сфере мировоззрения или выступать в качестве относительно самостоятельного социального института, приобретающего весьма жесткие формы.

При рассмотрении роли таких традиционных институтов в общей системе социального устройства в историческом аспекте обнаруживается, что как явление половозрастная стратификация и отдельные институты, на ней основанные, могут быть обнаружены практически в любом обществе, на любой стадии социальной эволюции. Тем не менее их роль, значимость в общей системе социальной организации меняются в зависимости как от уровня социального развития, так и от типа хозяйственной деятельности. На более ранних этапах социальной эволюции половозрастной принцип выступает в качестве ведущего и прослеживается в организации практически всех форм социальных отношений. На более поздних этапах особенно в связи с образованием классов и государства, он вытесняется другими принципами общественного устройства, в значительной степени теряет свое значение в системе в целом, отходит как бы на периферию социальной структуры. Социальные институты, активно использующие этот принцип, не являются ведущими в общественной системе вторичных формаций.

Если активное действие принципа половозрастной стратификации в организации общественных систем первичной формации вряд ли может вызывать сомнения, то обязательность существования конкретных отдельных форм социальных институтов, основывающихся на этом или преимущественно на этом принципе, представляет собой вопрос весьма дискуссионный.

Важно уточнить, какое содержание мы вкладываем в такие понятия, как возрастной принцип, половозрастная стратификация, социальный институт. Под социальным институтом нами здесь подразумевается общественное подразделение, которое характеризуется единством общественно значимых функций, единым механизмом воспроизводства состава этого подразделения, единой системой воспроизводства структуры данного социального института. Возрастной принцип — это такой способ оформления взаимоотношений индивидов и групп, при котором в качестве критерия выступает различие во времени пребывания (функционирования) в обществе в целом, в отдельном социальном институте или в его подразделении. Здесь сразу же обнаруживается относительность, многозначность возрастного принципа, как и категории «возраст». Наиболее ярким примером относительности этого показателя при одновременной большой социальной значимости его для стратификации коллективов в обществах первичной формации служит закрепленная в идеологии стратификация групп родственников, родов и племен (в социальном значении этого термина) по времени появления на определенной территории, в данном обществе или на земле вообще. Первобытное мировоззрение фиксирует преимущественный статус более древнего в данном качестве и соответственно этому критерию делит группы и индивидов на знать и простолюдые, что само по себе делает возможным возникновение в процессе роста производительных сил экономического неравенства, экономической стратификации.

При изучении функционирования в обществе отношений, регламентированных по признаку возраста, обнаруживается, что далеко не всегда, и в особенности в обществах первичной формации, временная шкала и, следовательно, представление о возрасте соответствуют представлениям об абсолютной временной шкале. В частности, минимальным периодом (единицей счисления) такой шкалы могут быть год, два, восемь лет и т. д., но в каждом таком периоде индивиды, вне зависимости от их индивидуального возраста в обычном современном понимании, будут счи-

таться сверстниками и исчислять свой возраст именно по этой шкале. Следует помнить, что индивид обязательно одновременно участвует в целом ряде общественных подразделений, и в связи с этим в разных социальных институтах он может одновременно иметь различный возраст, менять свой возраст, причем даже по нисходящей линии. Иными словами, возраст выступает в качестве относительного признака, в соответствии с которым индивид или группа признаются способными к исполнению той или иной функции. Возраст, как и время, оказывается существенным только в конкретной системе как отношение конкретных явлений, конкретных индивидов и групп; он изменяется в зависимости от системы отношений, в которых эти индивиды и группы участвуют. В связи с этим при обращении к истории возникновения и трансформации систем социальных отношений, активно использующих в качестве структурообразующего половозрастной принцип, необходимо разграничивать относительный возраст в конкретной социальной системе и абсолютный, или хронометрический, возраст. Можно заметить, что категория «биологический возраст» (по содержанию приближающаяся к хронометрическому, абсолютному возрасту настолько, что для исследования истории первобытности это различие мало существенно), используемая В. А. Поповым, выражает столь же реальный возраст, как и прочие виды возраста. В данном случае, судя по тексту, она обозначает такое объективное состояние множества индивидов, при котором их физиологическое развитие признается достаточным для исполнения определенного набора функций в обществе, а индивидуальные различия в этом качестве не имеют значения и не зависят от различий в хронометрическом возрасте. Многомерность и относительность временной или возрастной характеристики особенно важно учитывать при обращении к генезису форм социальных отношений и соответствующих социальных институтов, основанных на половозрастном принципе. Так, при образовании ранних форм социально-возрастных группирований вряд ли мог приниматься во внимание хронометрический возраст. В основе, что более вероятно, лежал возраст биологический, обеспечивающий минимально необходимое условие для выполнения множеством индивидов некоторой общественной функции. Это само по себе приводило к большой вероятности возникновения относительной корпоративности на базе соучастия в одном или близком видах деятельности, было предпосылкой коллективной деятельности и возникновения коллектива. Учитывая факт половозрастного разделения труда, можно предположить, что общество как система возникло и продолжало развиваться из множества коллективов, или общественных подразделений, различающихся своими функциями, обменивающихся результатами деятельности, взаимодействующих.

Система возрастных классов представляет особую форму реализации в обществе принципа половозрастной стратификации. Эта форма, на возможное существование которой у народов группы акан в прошлом обращает внимание В. А. Попов, предполагает существование корпоративных групп, организованных по признаку пола и возраста, причем не только в виде компонентов различных социальных институтов, но в виде самостоятельного социального института, осуществляющего экономические, военные и управленческие функции группами лиц, занимающими строго определенное положение в соответствии с пребыванием в определенной возрастной страте. Ввод лиц в эту систему и смена социальных ролей традиционно регламентированы устойчивым интервалом. Значительное число обществ, имеющих такие системы, описано в монографии К. П. Калиновской, на исследования которой В. А. Попов в своей статье ссылается. Следует сразу же обратить внимание на то, что подобные системы практически не встречаются в чистом виде; они переплетены и взаимодействуют с прочими системами социальной организации, меняют свой облик как в ходе собственной эволюции, так и эволюции

других социальных институтов. К. П. Калиновская убедительно показала, что такие системы возникли естественным путем, их структура функционально обусловлена и исторически изменчива. Но тем не менее остается открытым вопрос о роли систем возрастных классов в процессе эволюции систем социальных отношений, их месте в естественноисторическом процессе.

Материалы статьи В. А. Попова как будто указывают на то, что в традиционном социальном устройстве народов группы акан активно действовали возрастные корпоративные образования. Насколько известно, аналогичные группирования, обладающие различной значимостью в системе общественной организации, существовали и во многом представлены в настоящее время у большинства этносов Африки, как, впрочем, и на других континентах. Эти группирования, как правило, составляли основу военной организации, осуществляли целый ряд хозяйственных функций, формировали «тайные союзы» и «танцевальные общества». В колониальное время на их основе могли возникать спортивные и прочие клубы и даже «политические» партии. Но вопрос состоит в том, была ли у акан именно *система* возрастных классов. Чтобы ответить на него, нужно знать, как происходили смена или воспроизводство таких группирований, что происходило с возрастными группами в процессе изменения их хронометрического возраста, существовал ли единый принцип, характерный для движения по этому социальному институту. Так, у многих бантуязычных народов корпоративные группы молодежи могли образовывать самостоятельные земледельческие общины, и старшее поколение со временем передавало им всю административную власть, совершая при этом определенные ритуалы. В других этносах отдельные группы сверстников могли уходить на значительные расстояния и организовывать самостоятельные общины и даже племена (в социальном значении этого понятия), а если в таком походе приобретались жены, то у этих групп могли формироваться и культурные особенности. Можно ли называть подобные образования системой возрастных классов? Вряд ли, хотя в каждом случае налицо и половозрастная стратификация, и корпоративные группы. Существует ли система возрастных классов у австралийских аборигенов, где половозрастная стратификация, если можно так сказать, «усугубляется» действием института брачных секций?

Представляется, что система возрастных классов функционирует в рамках единого социального организма, на единой производственной базе, традиционными совладельцами которой являются сразу все поколения, регулярно передающие свои конкретные функции последующим поколениям по мере их инициации в соответствующие подразделения системы. Материалы В. А. Попова действительно достаточны для того, чтобы утверждать, что роль возрастных корпоративных группирований в древнеаканских обществах была более значительной, чем это фиксировалось учеными в прямых этнографических наблюдениях. Приведенные в тексте статьи примеры достаточно ясно указывают на то, что существовала определенная (регламентированная?) взаимосвязь между отдельными звеньями этих группирований. Однако свидетельств того, что все эти звенья увязывались в единую систему возрастных классов, по-видимому, недостаточно.

Вопрос по существу сводится к следующему: имеем ли мы здесь оставшиеся, разрозненные элементы системы возрастных классов, существовавшей в прошлом, или же это элементы различных систем, различных социальных институтов и у акан в ходе исторического развития половозрастная стратификация не оформилась в систему возрастных классов? Насколько мне известно, обязательность прохождения социальной эволюции на каком-то историческом этапе через образование системы возрастных классов еще не была доказана. Остается сожалеть, что в данном случае, автор, видимо, не располагает достаточными этнографи-

ческими данными по группе акан. Наиболее сильным свидетельством является обращение к системам возрастных классов у соседних этносов, в частности у «лагунных племен». Сравнительные материалы, их анализ, конечно, могут помочь решению поставленной проблемы, но только в том случае, если посредством сравнительно-исторического метода будет рассмотрено соотношение систем социальных институтов в сопоставляемых обществах. Тем не менее даже после подробного анализа по методу системных этнографических аналогов мера гипотетичности останется значительной, так как решение подобных задач упирается в проблему, заключающуюся в том, как отличить разрушившийся социальный институт от не сложившегося. Статья В. А. Попова еще раз демонстрирует, что подчас это более важно, хотя и не менее сложно, нежели различение автохтонного и заимствованного.

**SOME REMARKS IN CONNEXION WITH THE PROBLEM
OF SEX-AND-AGE STRATIFICATION**

The author considers that the materials at present available are insufficient for answering the question posed by V. A. Popov as to the existence of a system of age classes in Akan society. In order to answer it a system of methods must be worked out for distinguishing an institution yet unformed and one that has perished, an undeveloped tendency and a survival. So far no such system of methods exists. V. A. Popov's paper shows that the role of stratification by among the Akans was much greater in the remote past than in the historically recorded period, and this once again points to the necessity of closer attention on the part of ethnographers to institutions based on association or, conversely, separation according to the criteria of sex and age.